

Александр Грин

Джесси и Моргиана

Александр Степанович Грин

Джесси и Моргиана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=270302

Аннотация

Роман о любви, коварстве, ненависти и смерти. На что способна некрасивая женщина, которая смертельно завидует молодости, красоте и обаянию своей единственной младшей сестры?

Содержание

Глава I	4
Глава II	12
Глава III	18
Глава IV	25
Глава V	31
Глава VI	38
Глава VII	44
Глава VIII	51
Глава IX	56
Глава X	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Степанович Грин Джесси и Моргиана

*Автор посвящает эту книгу Нине Николаевне
Грин*

*Рассудок тут бессилён, а потому не тратьте
ваших доводов. Довольно будет сказать вам, что
вопрос касается сердечных дел.
Р. Стивенсон. Сент-Ив*

Глава I

Существует старинное гаданье на зеркалах: смотреть через зеркало в другое зеркало, поставленное напротив первого так, что они дают взаимное отражение – сияющий бесконечный коридор, уставленный параллельными рядами свечей. Гадающая девушка (так гадают только одни девушки) смотрит в тот коридор; что она там увидит – то, значит, с ней и случится.

Однажды, – было это весной, в половине двенадцатого часа вечера, – девушка Джесси Тренган забавлялась вышеописанным способом, сидя одна у себя в спальне. Она поставила

против туалетного зеркала второе, зажгла две свечи и воззрилась в сверкающий туннель отражения.

Джесси Тренган через месяц должен был исполниться двадцать один год. Это была своенравная, веселая и добрая девушка. Описать ее наружность – дело нелегкое. Бесчисленные литературные попытки такого рода – лучшее тому доказательство. Еще никто не дал увидеть женщину с помощью чернил или типографской краски. Случается изредка различить явственно лоб, губы, глаза или догадаться, как выглядят за ухом волосы, но более того – никогда. Самые удачные иллюстрации только смущают; говоришь: «Да, она могла быть и такой», – но ваше скрученное или разбросанное впечатление всегда иное, хотя бы оно было бессильно дать точный образ. Переход к дальнейшему непоследователен, но необходим: у Джесси были темные волосы, красивое и открытое лицо, стройное и привлекательное телосложение. Ее профиль вызывал в душе образ втянутого дыханием к нижней губке лепестка, а фас был подобен звонкому и веселому «здравствуйте». В понятие красоты, по отношению к Джесси, природа вложила свет и тепло, давая простор лучшим чувствам всякого смотрящего на нее человека, за исключением одного: это была ее родная сестра, Моргiana Тренган, опекунша Джесси.

Сидя перед зеркалом с насмешливой, но довольной улыбкой, Джесси вдруг почувствовала стеснение; затем – раздражение и досаду. Так всегда действовала на нее всякая неожи-

данная помеха со стороны Моргианы.

Появись в комнате, Моргиана сказала:

– О, Джесси! Как тебе не стыдно? Разве ты не изучила еще свое лицо?!

Джесси оторвалась от забавы, но не ответила по причине, которую мы тотчас поймем. Насколько хороша была младшая сестра, настолько же безобразна и неприятна была старшая. Но ее безобразие не возбуждало сострадания, так как холодная, терпкая острота светилась в ее узких, темно высматривающих глазах.

Среди некрасивых женских лиц огромное большинство их смягчено – подчас даже трогает – достоинством, покорностью, благородством или весельем. Ничего такого нельзя было сказать о Моргиане Тренган, с ее лицом врага; то было безобразие воинственное, знающее, изучившее себя так же тщательно, как изучает свои черты знаменитая актриса или кокотка. Моргиана была коротко острижена, ее большая голова казалась покрытой темной шерстью. Лишь среди преступников встречаются лица, подобные ее плоскому, скуластому лицу с тонкими губами и большим выражением рта; ее жалкие брови придавали тяжелому взгляду оттенок злого и беспомощного усилия. С тоской ожидал зритель улыбки на этом неприятном лице, и точно, – улыбка изменяла его: оно делалось ленивым и хитрым. Моргиана была угловата, широкоплеча, высока; все остальное – крупный шаг, большие, усеянные веснушками руки и торчащие уши – дела-

ло рассматривание этой фигуры занятием неловким и терпким. Она носила платья особо придуманного покроя: глухие и черствые, темного цвета, окончательно зачеркивающие ее пол и, в общем, напоминающие дурной сон.

Отец сестер умер четыре года тому назад; за год раньше умерла мать.

Джон Тренган был адвокатом, жил широко и не оставил наследства; Джесси получила большое наследство от дяди, брата отца, а Моргиана, – назначенная опекуной сестры до ее совершеннолетия, – имела, по завещанию этому, небольшое поместье с каменным домом, названное «Зеленой флейтой»; весь остальной капитал – сорок пять тысяч фунтов и большой городской дом – принадлежал Джесси.

Против мрачной фигуры сестры шелковый японский халат Джесси был нестерпимым напоминанием о разнице между ними, а также – об их возрастах: тридцати пяти – Моргианы и двадцати – Джесси.

– Тебе нет нужды гадать о женихах, – продолжала Моргиана, наслаждаясь мрачностью девушки, – больше, чем надо, будет их у тебя. Джесси вспыхнула и резко толкнула зеркало, которое чуть не упало.

– Зачем ты издеваешься надо мной, Мори? Мне рассказала горничная, что есть такое гаданье. Я забавляюсь. Почему это тебя так злит?

– Да, злит, и будет всегда злить, – ответила Моргиана с откровенностью постороннего человека в отношении себя са-

мой. – Посмотри на меня, а затем обратись к своему любимому зеркалу. Такой урод, как я, обязан раздражаться, видя твое лицо.

– Разве я виновата, Мори? – с упреком произнесла девушка, и ей стало жалко сестру. – Представь, я так привыкла к тебе, что не знаю даже, хороша ты или дурна!

– Я дурна. Безжалостно, безобразно дурна.

– Зачем ты меня так ненавидишь? – вскричала Джесси, с отчаянием всматриваясь в пристальные глаза Моргианы. – Уже давно мучаешь ты меня такими сценами. Я не знаю, не знаю, почему мы с тобой родились такими разными! Поверь, я часто плачу, когда вспоминаю о тебе и твоих страданиях!

– Я ненавижу тебя, – тихо ответила Моргиана, с ревностью изучая взволнованное лицо сестры, которому игра чувств придавала еще большую прелесть. – Я тебя очень люблю, Джесси. Люблю тебя внутреннюю. Но наряд твой, праздник твоего лица и красивого, стройного тела, – мне более чем ненавистен. Я хотела бы, чтобы от тебя остался один голос; тогда и мои слова были бы так же нежны, так же искренни и натуральны, как твоя детская речь.

– Я не виновата, – растерянно повторила Джесси. Бесстыдные душевные содрогания Моргианы внушали ей страх; хотя часто она наблюдала их, но жестокая откровенность сестры всегда угнетала ее.

– Все, что ты говоришь, понятно, – продолжала Джесси. – Я все понимаю. О, если бы ты смягчилась! Будь доброй, Мо-

ри! Стань выше себя; сделайся мужественной! Тогда изменится твое лицо. Ты будешь ясной, и лицо твое станет ясным... Пусть оно некрасиво, но оно будет милым. Знай, что изменится лицо твое! – повторила Джесси так горячо, что прослезилась и засмеялась.

– Девочка, что ты знаешь об этом? – пробормотала Моргиана. – Ты не знала никогда моих мук и никогда не узнаешь их. Они безобразны, как я.

– Я часто думала, – сказала Джесси, – о загадке рождения. Мы родились от одних и тех же людей: матери и отца наших, но почему ты вынуждена терзаться, а я – нет?

– Я тоже думала об этом, – ответила, помолчав, Моргиана, – и мне одно объяснение кажется правильным, как оно ни чудовищно по своему существу. Ты не ребенок, и тебе следует знать о рисунке, который висел в спальне нашей матери, когда она была беременна мной. Это был этюд Гарлиана к его картине «Пленники Карфагена», изображающей скованных гребцов галеры. Этюд представлял набросок мужской головы, – головы каторжника – испитого, порочного, со всеми мерзкими страстями его отвратительного существования: смесь шимпанзе с идиотом. У беременных женщин бывают необъяснимые прихоти. Наша мать приказала повесить этюд напротив изголовья своей кровати и подолгу смотрела на него, привлекаемая тайным чувством, какое вызывала в ее состоянии эта повесть ужаса и греха. Впоследствии она сама смеялась над своей причудой и ничем не могла ее объ-

яснить. Мне было восемнадцать лет, когда мама рассказала мне об этом случае; при этом ее глаза наполнились слезами, и она гладила меня по щеке, склоняясь надо мной с тревогой и утешением. Впоследствии я нашла в сочинениях по патологии указания на восприимчивость беременных женщин к зрительным впечатлениям. Не ясно ли тебе, что мать нарисовала меня сама?

Стараясь не понимать, о чем говорит Моргиана, Джесси, беспомощно напряженная и порозовевшая, сидела, широко раскрыв глаза.

– Этого не могло быть, Мори; это лишь мнительность, – утешала она сестру.

– Что-нибудь другое, чего мы не знаем. Будь добра, прекратим такой разговор, он очень тяжел.

– Ты права, – сказала Моргиана, – существо, подобное тебе, имеет право возмущаться страданиями и не подпускать их к своей особе. Я не могу вызывать любовь, и потому я не скоро еще научусь делать приятное.

Эти слова, сказанные равнодушно, без горечи и надежды, сильно потрясли Джесси.

– О, Мори! – воскликнула она, стараясь притянуть к себе каменную руку сестры. – Ты нуждаешься в любви? Люби меня, но просто, и я буду тебя любить всем сердцем. Ведь ты – сестра моя!

– Довольно, – сказала Моргиана, освобождая руку и хмурясь. – Сейчас я очень далека от тебя и не слышу твоих слов.

Я пришла не для упражнений в чувствах. Не согласишься ли ты переехать в «Зеленую флейту» на то время, пока здесь будет происходить ремонт?

Джесси молчала, всматриваясь в сестру. Хотя была она взволнована и расстроена, нечто, подобное едва слышным шагам подкрадывающегося человека, внушило ей прямой и твердый ответ.

– Нет, – сказала она, и ее правдивое лицо повторило эти слова.

– Нет?

– Нет, Мори, нет, – повторила Джесси, стараясь быть шутиливой. – «Зеленая флейта» действует мне на нервы. Там очень глухо. Мне жаль, конечно, но я предпочитаю остаться здесь.

– Ты не намерена, однако, просидеть в Лиссе все лето?

– Отнюдь. Я, может быть, поеду к Еве Страттон, в ее виллу «Цветущий горошек».

– Как хочешь, – проговорила Моргиана, не считая уместным настаивать и обдумывая свое. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Мори, – зевнула Джесси, потягиваясь. Она встала. Моргиана напутственно улыбнулась ей и ушла.

Глава II

Джесси, или Джермена Тренган, была девушкой, не представляющей ничего особенного на требовательный взгляд искателя даровитой оригинальности или грациозного тщеславия. Она была большей частью погружена в свои мысли, а впечатлению отдавалась полностью, если оно захватывало ее. Все мысли имели для нее интерес новизны, – безразлично, думал ли кто-нибудь одинаково с ней или нет о каком-либо обстоятельстве. Она не заботилась о впечатлении, какое производила на окружающих, и не подозревала, что ее естественность в речах и поступках заставляет ум работать сильнее, чем очарование девушки-вундеркинда, преследующей модные цели, предписанные последней книгой шестимесячного пророка. Иногда она подозревала, что ею любят, – по поводу, неясному для нее, – и, оставляя причину на совести заподозренного, улыбалась с совершенно сознательным кокетством. Она любила музыку, сама же играла плохо, но ничуть не терзалась этим. Ни попыток рисовать, ни тщеты настрочить стихи и никакого подобного тому любительского зуда не было у нее, как будто природа, утомясь творить сложные существа, не знающие, что делать с собой, захотела отдохнуть, сказав: «Пусть она будет просто девушка». Со всем тем была она далеко не глупа, и ее сердце так же возмущалось и страдало, если сталкивалось со злом, как сердце

всякой представительницы женского пола, обратившей добрые чувства в свою монополию и употребляющей их согласно параграфам. Она была проста, но такой простотой, к которой других приводит лишь трудный и болезненный опыт. Для сравнения, раз дело идет о женщине, мы приведем избытый пример: драгоценное платье, выглядевшее так, как будто за него заплачено по всем доступной цене.

Следующим утром Джесси встала не в духе, но, бросив взгляд на туалетное зеркало, не смогла удержаться от улыбки. Всегда ее удивляло разноречие отражения и внутренних ощущений при дурной минуте: молодая девушка в зеркале, с ее гладкими плечами и ясным взглядом, казалось, никогда не знает скверного настроения. В такие моменты Джесси чувствовала себя чуждой своему образу и сомневалась в его правдивости.

Взгляд на зеркало снял все же паутину с ее лица. Вчерашние мысли, возникшие после сцены с сестрой, досаждали ей, пока она причесывалась, но властвовать над ней не могли. По достижении совершеннолетия Джесси намеревалась отправиться в далекое путешествие с подругой своей, Евой Страттон, а по возвращении поселиться в Унгане, чтобы не встречаться с сестрой. Пока она ничего не говорила ей об этом, но не могла, в глубине души, простить ей то страшное оружие, которым пользовалась Моргана во время припадков душевного обнажения. Как ни жалела Джесси сестру, – разум ее отказывался исходить мукой по причинам непопра-

вимым, как не могло бы зеленое дерево признать праведным гнет упавшего на него сухого ствола. Иное дело, если бы от нее зависело помочь Моргиане, – и она не однократно размышляла об этом, – Джесси не задумалась бы отдать богатство и красоту.

Ненависть есть высшая степень бесчеловечности, превращенная в страсть; тот счастлив, кто не испытал ее внимательного соседства. Джесси рассмеялась бы, если бы ей сказали, что Моргиана действительно ее ненавидит, и в ненависти своей близка к тому, чтобы рыдать у ее ног, вымаливая прощение, как отдых от непосильной работы. Все другие женщины, красивые или хорошенькие, вызывали у Моргианы лишь горькое и злое волнение, готовое перейти в критику. Но Джесси стояла особо, как главное слово молодости и нежности. Для Моргианы была она – весь тот мир в едином лице, выросший рядом с ней.

Что касается Джесси, ею овладевала иногда легкая грусть, когда, под влиянием болезненного разговора с сестрой, она, проходя или проезжая улицей, отыскивала в толпе лица, беспощадно отмеченные природой, с тем, чтобы в чем-то оправдать их своим ясным и точным зрением. Но очень редко Джесси размышляла об этих трудных, больных вещах с бесстрашием рыцаря, пускающегося в страну чудовищ. Ее мысли, само собой, поворачивались к иным предметам мышления. Неестественное усилие рассеивалось, беспомощная философия рушилась, и Джесси возвращалась в свой мир, ра-

дуясь, что живет.

К завтраку Моргиана появилась степенной, со снисходительно насмешливым видом, как будто не она, а Джесси делала вчера вечером удушливые признания. Молчаливое, вопросительное настроение сестер от коротких замечаний перешло к разговору. Так как предстоял ремонт, Моргиана заявила, что на днях переедет в «Зеленую флейту», а Джесси сообщила, что временно переберется в библиотеку. Из библиотеки был отдельный выход; та часть дома, где помещалась Джесси, не требовала ремонта; почти во всех остальных помещениях оказались изъяны. После землетрясения минувшей зимы осыпались лепные карнизы, расстроилась пригонка дверей; во многих местах отстала штукатурка, порвав обои.

– Я буду просыпаться, – сказала Джесси, придя в хорошее настроение, – в библиотеке, бросая невежественные взгляды на ученые заглавия. Однако вся научная эманация заберется в меня. Я уверена, что к осени, когда ты вернешься, – но ты будешь ведь приезжать? – я стану, без причины, профессором. Великое дело – латынь!

Говоря так, она разбила яйцо и погрузила в рот полную ложечку его содержимого. Она медленно вынимала ложечку на сомкнутых губ, как внезапная мысль – «цыпленок не осуществился, погиб...» – некстати рассмешила ее. В скаредно-жалостной мысли этой – выскажи ее кто-нибудь серьезно – клокотала пышная глупость. По таинству ассоциации,

Джесси мгновенно представила чопорного человека, явившегося в общество при всем параде, но забыв надеть штаны. «Цыпленок есть принцип», — сказал он, достойно подрагивая волосатым коленом... Пища, залегшая среди белых зубов Джесси, остановилась, от ног до головы ее потряс смех, ни проглотить, ни выплюнуть набранное в рот она не имела силы и, не совладав, вся красная от страха закашляться, Джесси прыснула смехом и яйцом прямо на стол.

— О, мне что-то весело! — через силу произнесла она, когда отдышалась и вытерла смешливые слезы. Взгляд Морггианы остановился на ней с замкнутым выражением. — Морггиана! Медведик ты плюшевый!

— Чем вызван твой припадок? — спросила ее сестра.

— Когда смешно, то все равно от чего смешно, — оправдывалась Джесси. — Теперь уже не смешно. А из яйца... — она одолела приступ веселья, иначе опять залилась бы хохотом, — мог выйти цыпленок. Это верно. Мори. Вот мне и стало смешно.

Если бы Морггиана не чувствовала так остро всю правду и невинную прелесть этой пустяшной выходки, ей было бы легче. Робко взглянув на сестру, Джесси выпрямилась, повела бровью и стала смотреть в тарелку. Тогда, из внезапной, фальшивой прихоти, которой устыдилась сама, Морггиана громко захохотала, и этот запоздалый смех по приказу сделал ее отвратительной.

После завтрака Морггиана поднялась первой, чтобы ехать

– как она сказала Джесси – к нотариусу. Джесси не интересовалась деньгами; роль сестры в финансовых и нотариальных делах рассматривала она как подвиг. Они расстались мирно-любовно. Затем Джесси вспомнила о билетах; она сказала: – «Ах, ах», – и попеняла себе.

Глава III

Вчера Джесси твердо решила развезти утром своим знакомым порученные ей десять билетов на спектакль в пользу престарелых музыкантов оперы. Она откладывала это три дня. Вчера стояла пасмурная погода; рассчитывая, что сегодня польет дождь, Джесси охотно постановила употребить дурной день для посещения семейств Ватсонов, Апербаумов, Гардингов и других неприступных крепостей, где только она, с ее небрежной и беззаботной манерой, могла пограбить, не вызывая особого раздражения, свойственного самолюбию, отлитому из золота. Как раз теперь дурная погода кончилась; небо и земля сияли, кричали. Уже с утра Джесси коснулась стрела движения, звукнув над ее ухом, как брошенное на бегу слово. Но по городу ей не хотелось ехать. «Завтра, завтра, не сегодня, – так ленивцы говорят», – рассеянно твердила девушка, начиная расхаживать по дому без цели, но с удовольствием, переходя из помещения в помещение. «А сегодня отдохну, завтра свой урок начну!» Мебель имела выпавшийся, оживленный вид: на лаке блестело солнце; высокие окна соединяли голубизну неба с раздольем паркета или ковром – матовыми лучами, переходящими на полу в золотой блеск. Джесси обошла все нижние комнаты; зашла даже в кабинет Тренгана, стоявший после его смерти нетронутым, и обратила внимание на картину «Леди Годи-

ва».

По безлюдной улице ехала на коне, шагом, измученная, нагая женщина, — прекрасная, со слезами в глазах, стараясь скрыть наготу плащом длинных волос. Слуга, который вел ее коня за узду, шел, опустив голову. Хотя наглухо были закрыты ставни окон, существовал один человек, видевший леди Годиву, — сам зритель картины; и это показалось Джесси обманом. «Как же так, — сказала она, — из сострадания и деликатности жители того города заперли ставни и не выходили на улицу, пока несчастная наказанная леди мучилась от холода и стыда; и жителей тех, верно, было не более двух или трех тысяч, — а сколько теперь зрителей видело Годиву на полотне?! И я в том числе. О, те жители были деликатнее нас! Если уж изображать случай с Годивой, то надо быть верным его духу: нарисуй внутренность дома с закрытыми ставнями, где в трепете и негодовании — потому что слышат медленный стук копыт — столпились жильцы; они молчат, насупясь; один из них говорит рукой: „Ни слова об этом. Тс-с!“ Но в щель ставни проник бледный луч света. Это и есть Годива».

Так рассуждая, Джесси вышла из кабинета и увидела слуганок, которые скатывали ковер. «Уже выколачивали третьего дня, — сказала Джесси, — зачем теперь выносить?»

Джесси не вмешивалась в хозяйство, но если на что-нибудь случайно обращала внимание, ей повиновались беспрекословно, — вздумай она даже отменить приказание Моргианы. Для этого Джесси не делала никаких усилий. Служан-

ки, две молодые женщины, поспешно объяснили, что ковры выносятся ввиду наступающего ремонта. При этом одна из служанок, Герда, машинально взглянула на трещину потолка. Джесси вспомнила землетрясение.

– Вы у нас уже служили тогда?

– Я служила, – ответила краснощекая, тугого сложения, Эрмина. – Герда поступила через неделю после того.

– Ну да, я припоминаю теперь, – сказала Джесси, рассматривая беловолосую Герду и улыбаясь. – Вы обе с севера? Не так ли? А что, у вас бывает землетрясение?

Служанки переглянулись и рассмеялись.

– Никогда, – сказала Эрмина. – У нас нет ничего такого: ни моря, ни гор. Зато у нас зима: семь месяцев, мороз здоровый, а снег выше головы – чистое серебро!

– Какая гадость! – возмутилась Джесси.

– О, нет, не говорите так, барышня, – сказала Герда, – зимой очень весело.

– Я никогда не видела снега, – объяснила Джесси, – но я читала о нем, и мне кажется, что семь месяцев ходить по колено в замерзшей воде – удовольствие сомнительное!

Перебивая одна другую, служанки, как умели, рассказали зимнюю жизнь: натопленный дом, езда в санях, мороз, скрипучий снег, коньки, лыжи и то, что называется: «щеки горят».

– Но ведь это только привычка, – возразила Джесси, немного сердясь, – поставим вопрос прямо: хочется вам, сию

минуту, отправиться на свою родину? Как раз там теперь... что у нас? Апрель; там теперь сани, очаг и лыжи. Отбросьте патриотизм и взгляните на сад, — она кивнула в сторону окна, — тогда, если хватит духа солгать, — пожалуйста!

— Конечно, здесь о-очень красиво... — протянула Эрмина.

— Цветов такая масса! — сказала с жадностью Герда. Джесси сдвинула брови.

— Да или нет? Под знамя юга или в замерзшие болота севера?

— Что ж, — просто сказала Герда, — мы еще молоды, проживем здесь.

— Ну, что вы за лукавое существо! — воскликнула Джесси. — Как можете вы, в таком случае, желать, чтобы ваше цветущее лицо было семь месяцев в году обращено к ледяным кучам? Что это? Что это за звуки?!

Женщины умолкли, прислушиваясь. Через раскрытые окна слышались гневные восклицания и тяжкие, глухие шлепки.

— Опять! — вырвалось у Эрмины. Джесси внимательно всмотрелась в нее.

— Это еще что?! — спросила она.

— Садовник и конюх! — воскликнула Герда, порываясь бежать к окну. — Уж я унимала их вчера! Это из-за Мальвины. Или не знаю почему. Совершенное безобразие!

— Что? Драка? — немилостиво осведомилась Джесси.

— О, барышня, не говорите на нас! Джесси успокоила их

жестом и быстро направилась к выходу, представляя эффектный гром своего появления.

Когда, заложив руки за спину, она остановилась на границе закоулка, отделяющего сарай от конюшни, картина представилась ей такая: конюх Билль, без пиджака, засучив рукава рубашки, одолевал отступающего, но все еще стойкого Саватье. Садовник, бледный и окровавленный, смотрел на врага в упор, ловя момент ударить правой рукой, а левой защищаясь от ударов, падавших быстро и тяжело. Что касается Билля, то его здоровенное лицо только покраснелось, если не считать ссадин на скуле. Оба напоминали собаку и кошку. Саватье, изнемогая, вкладывал в бой все опасные чувства разъяренного мужчины, в то время как Билль, развлекаясь, метко поражал врага. Под их ногами валялись их растоптанные шляпы. Однако Саватье ожидало крупное торжество: Билль открыл голову, и увесистая пощечина садовника смазала его по зазвеневшему уху. Удивленный Билль подступил ближе.

– Довольно, – сказала Джесси, входя между ними. – Как смеее вы безобразничать в моем доме?

Бойцы остолбенели и потупились. На них было жалко смотреть. Билль поднял шляпу и стоял, опустив голову. Испуганный Саватье пытался застегнуть ворот рубашки дрожащей рукой; их хриплое, неистовое дыхание звучало гневом и стыдом.

– Мы... – сказал Билль, – я... он... Извините меня.

– Из-за чего произошла потасовка? – продолжала Джесси ледяным тоном, рассматривая багровые рубцы под глазами Саватье с гримасой отвращения, как если бы перед ней ели лимон. – Объясните причины. Ревность? Оскорбление? Карты? Стойте, – приказала она, видя, что противники, приложив кулаки к груди, намерены изойти объяснениями и клятвами, – мне, пожалуй, нет дела до этого. Пусть ваша совесть говорит с вами. Нехорошо, Билль! Скверно, Саватье! Кстати, вы, кажется, пострадали более, чем Билль. Не оттого ли, что Билль защищал правое дело? А? Ну, если языки целы, скажите теперь что-нибудь, только не горячитесь.

– Клянусь Бельгией! – сказал Саватье, сплевывая волос из своего уса, – это был чистый бокс, спорт. Но я, оказывается, не знал, с кем связался. Билль пользуется недозволенным приемом. Он...

Билль живо вытер руки о штаны и заслонил Саватье, ступив вперед.

– Достаточно, что Саватье ложно поклялся вам, – заговорил он с откровенностью, имеющей расчетом внушить, что искренность и нечестность – несовместимы. – Конечно, это ссора, и я снова прошу прощения. Ссор без причины не бывает... Но приемы были честные, в этом я могу поклясться Ирландией и Бельгией вместе. Разве только ему показалось, что у меня четыре руки.

– Хорошо, – сказала Джесси Саватье, – в чем можете вы упрекнуть Билля? Покажите.

Не осмеливаясь послушаться, Саватье подошел к Биллю и приставил ему под подбородок ребро ладони.

– Вот в этом я упрекаю тебя: свинство ударять по горлу. Джесси немедленно раскаялась в своем любопытстве. В жесте, который сделал Саватье, мелькнула расчетливая бесчеловечность, и лицо девушки стало печальным.

– Все, я поняла, – сказала она тихо, но повелительно, – теперь помиритесь. Подайте друг другу руки.

Казалось, дыхание остановилось у Билля и Саватье, когда, изумись и озлясь, по лицу Джесси увидели они, что примирение неизбежно. Билль с презрением протянул руку садовнику, но тот, чтобы не видеть осквернения собственной ладони, отвернул голову и, не глядя, ответил на рукопожатие; две руки злобно трянули одна другую и поспешно расстались.

Джесси смотрела, сдвинув брови и тревожно полураскрыв рот, но, увидев, как большой палец садовника ткнулся в ладонь конюха, расхохоталась и ушла. В то же время решение задачи с билетами осенило ее: она пришла к себе, сама себе заплатила за десять билетов тройную их стоимость и облегченно вздохнула.

Глава IV

Моргиана выехала на одном из двух автомобилей Джесси, которыми пользовалась почти безраздельно, так как ее сестра предпочитала лошадей. Взяв от нотариуса чек на три тысячи, Моргиана получила по нему деньги в банке и направилась в «Зеленую флейту».

«Зеленая флейта» – место, о котором еще будет время сказать подробнее, – был двухэтажный каменный дом с садом, купленный покойным Тренганом для романтической цели. Менее всего Тренган хотел обидеть Моргиану, завещая ей это владение, но она твердо помнила, что здесь пять лет назад жила белокурая танцовщица, нервная и капризная, с прихотями которой считались – до смехотворного почтительно. О ней иногда рассказывал своим приятелям Гобсон, – человек, бывший при доме сторожем, управляющим и посыльным. «Существует мнение, – говорил он, – что Тренган боялся ее любви к танцам, а потому, желая удержать ее при себе, подкупил врачей, и они уверили Хариту Мальком в опасной болезни, которая изуродует ее ноги, если она вернется на сцену. Она поверила и затосковала так, что осунулась. Целый месяц не выходила она из комнат и ела так мало, что на кушаньях оставались лишь царапины вилок. Так вот, я однажды проходил мимо окна поздно ночью: окно светилось, я заглянул и увидел Хариту Мальком в платье, за

которое высек бы свою дочь. Все на ней блестело и разлеталось, — она танцевала сама с собой, и лицо у нее было такое счастливое, что я смотреть больше не стал, и мне сделалось что-то нехорошо».

Кроме Гобсона с семьей, садовника и рабочих, здесь жила женщина Нетти, на которой лежала обязанность заботиться о порядке и чистоте в доме. Как только Моргиана приехала и вошла в комнаты, Нетти сказал ей: «Вот посылка, получена на ваше имя вчера». Она подала небольшой пакет, зашитый в желтую кожу.

Без особого волнения взяла Моргиана этот пакет; лишь было у нее странное ощущение, что она держит холодеющую руку сестры.

Отослав Нетти, припомнила она развитие своего замысла и ничего похожего не нашла в себе по сравнению с чувствами, вызванными впервые ее мрачным решением. Первые эти чувства были — сомнение, отчаяние и страстное, тяжелое наслаждение; лишь постепенно перерабатывались они в привычку, ставшую законом и надеждой помраченной души. Это была давнишняя ненависть, обсуждаемая до мельчайших подробностей; такая отчетливая, что напоминала тщательно уложенные в чемодан — для дальней и трудной дороги — необходимые вещи. Лишь изредка обострялась она. Ни ужаснуться, ни отказаться Моргиана теперь уже не могла, потому что преступная мысль стала частью ее самой. Нет такой мысли, с какой рано или поздно не освоится человек,

если она отвечает его природе.

«Вот и исполнение», – сказала Моргiana, задумчиво рассматривая пакет. Взяв ножницы, она разрезала кожу; под ней оказался ящичек из тонкого дерева, сколоченного гвоздями. Введя ножницы в щель, Моргiana нажала ими дощечку, которая легко отошла, и достала завернутую в вату коричневую коробку. Там был флакон из толстого стекла, какие употребляются для духов, с плотно пригнанной пробкой. На дне флакона было немного бесцветной жидкости, ничем не отличающейся по виду от обыкновенной воды и, несмотря на то, опасной, как гремучая змея, даже более, потому что этот яд, открытый еще лет двести назад, не убивал сразу; но тому, кто выпил его, оставалось жить не дольше месяца и умереть, не зная, от чего умирает. Лишенная вкуса и запаха, жидкость не оставляла пятен, от времени не теряла силы; верная себе, от начала до конца она оставалась бесцветной. Тщетно стали бы искать врачи причин заболевания у человека, не подозревающего, что он отравлен. Отравленный угасал; вялость и апатия сменялись изнуряющим оживлением; он ел все меньше, без всякой охоты, переставал нуждаться в движении; терял интерес ко всяким занятиям; тяжелый сон первых недель сменялся бессонницей, иногда – бредом или потерей рассудка. У действия этого яда не было цвета – только раз он появлялся на сцене, напоминая собой скорее внушение, чем отраву, – и исчезал. Более никто никогда не мог разыскать его, – даже при вскрытии и лабораторном анализе.

Таково было содержание флакона, который Моргиана держала перед собой в вытянутой руке. Ее дыхание было стеснено характером представлений, бродивших в ней, подобно едкому дыму, наполнившему комнату фантастическими линиями и удушьем. Большей простоты – при подавляющем ум сознании ее страшных качеств – никто еще не держал в руках. Моргиана чувствовала стекло флакона так остро, как если бы с ее пальцев была содрана кожа; само прикосновение к флакону казалось опасным, непостижимо действующим на сердце и мозг. Ее мысли текли с быстротой самостоятельно звучащего, чужого голоса, движимого возбуждением, и она только следила за ними. Моргиана подумала, что этот флакон, быть может, еще не так давно был полон духов. Его открывала, скрипя хрустальной затычкой, эластическая рука женщины, и из граненого плена с золотым ярлыком вылетал заманчивый аромат, внушающий нежность и удовольствие. Руки пахли духами. Теперь там была бесцветная смерть, готовая служить последнюю службу тому очарованию, какое ранее, зажмуриваясь, прибегало к флакону, повинувшись истине, общей для цветов и сердец.

– Ей все! Мне – ничего, – сказала Моргиана, наклоняя флакон так, что яд перелился к пробке. – Для нее даже смерть явится в изысканно-тайном виде; такую смерть, по тем же причинам, какие есть у меня, не назначит мне никогда, никто, – даже в мыслях. Умирая, Джесси все еще будет красива, может быть, даже красивее, чем сейчас: сильнее

пахнут срезанные цветы. Возможно, что в последние минуты ее сознание станет ясным; признав конец, она испытает чувства такие прелестные и тонкие, каких никогда не узнать мне, ее тайному палачу. Но ее смерть будет смертью и моей ненависти. Я хочу тебя любить, Джесси. Когда ты исчезнешь, я буду тебя любить сильно и горячо; я буду благодарна тебе. Я отдохну. Быть может, я больна? Нет. Но я много думала – и привыкла; теперь, Джесси, я подкрадываюсь сзади к тебе. Лишь так могу я выразить мою – будущую – к тебе любовь.

Ее рука задрожала: флакон стукнул о стол и остался стоять, – безмолвный свидетель чувств, достойных милосердного эшафота. Моргиана продолжала говорить, отдаваясь неодолимой потребности в сообщнике, которого не было и не могло быть. Но лишь неясные шепчущие звуки выходили из ее губ, хотя ей казалось, что она говорит явственно. Подняв голову, она увидела в стенном зеркале женщину чужую и бледную. «Там я, – сказала Моргиана, – я вижу себя. Харита Мальком, этот дом – твой опустевший флакон; на месте благоухания твоей жизни – я поселилась здесь, бесцветная и угрюмая, как яд; такая же сильная, как он, потому что живу одной мыслью».

Она собрала вату, кожу, коробку, сожгла все в камине и начала успокаиваться. Это было дурное, болезненное спокойствие. Тесня ее дыхание, стоял перед ней образ Джесси. «Действительно ли красива она? – размышляла Моргиана, – ее тип довольно распространен. Его можно встретить

даже на страницах модных журналов. Подобные лица быва-
ют также у приказчиц и билетерш. Почти каждая девушка
двигает плечами, как Джесси».

Встрепенувшись, со смутной и едкой надеждой, вызвала
она образ сестры и принялась изучать его, отводя каждой
черте высокомерное, банальное определение, – с тупым удо-
вольствием слепца, который водит концами пальцев по лицу
незнакомому человеку, создавая линии осязания. Перед ней
было как бы многозначное число, цифры которого называя
вразброд, она никак не могла получить сумму, большую де-
сяти. Джесси, раздетая и обезличенная, составила собрание
отдельных частей, ничем особо не поразительных для Мор-
гианы; но так продолжалось лишь пока не был исчерпан ма-
териал критики; едва увидела она опять ее всю, как из неж-
ных ресниц Джесси блеснул стремительный, улыбающийся
взгляд; зазвучал ее, полный удовольствия жить голос; при-
помнились все ее, ей лишь свойственные особенности дви-
жений, и Моргiana увидела, что ее сестра хороша, как весна.

Спрятав флакон в сумку, Моргiana вызвала Гобсона, при-
казала привести дом в порядок и сообщила, что приедет сю-
да жить до осени – не позже как через три дня. Она верну-
лась в город к шести часам, но обедать не вышла, сославшись
на головную боль.

Глава V

Скучая обедать одна, Джесси вызвала по телефону свою близкую приятельницу, Еву Страттон, и стала ее просить приехать. «Тем более, – прибавила Джесси, – что сегодня среда; ты знаешь, что у нас по средам гости. Наконец, ты мне просто необходима, так как я хочу говорить. О чем? О жизни и вообще. Моргиана лечит больную голову, сидит у себя. Да, слушаю... нехорошо так говорить, Ева, с... Ну, и так далее, и я тебя жду».

Ева Страттон была второй дочерью Вальтера Готорна, владельца двух типографий. Старше Джесси лишь двумя годами, Ева уже была замужем. Ее муж занимал должность военного агента в Корее. Они разъехались по молчаливому, безгорестному согласию людей, открывших, что не нуждаются ни друг в друге, ни в брачной жизни. Поэтому их приятельское соломенное вдовство было легким.

Когда приехала нарядная Ева, не менее нарядная Джесси встретила ее дружеским поцелуем, и они сели за стол в буфетной.

Ева была высокая, тонкая фигурой, молодая женщина греческого типа, с проницательным выражением рта и глаз. Ее жизненный опыт немногим превышал опыт Джесси, но она умела скрывать это, оставляя впечатление наблюдательности и ранней мудрости. Заметив третий прибор, Ева спро-

сила, кого ждет Джесси.

– Никого, то есть, вероятно, никого. Это ее прибор, но Моргиана, должно быть, уже пообедала у себя.

– Надеюсь, – сказала Ева. Джесси обиделась, но сдержалась.

– Ты постоянно забываешь, Ева, – заметила она спокойно и искренно, – что Мори – моя сестра и что мне могут быть неприятны такие твои слова.

– Она неприкосновенна?

– В том смысле – да, какой разумеешь ты. Да! К тому же, – прибавила Джесси, взглядывая на слуг у дверей, – мы не одни. Я знаю, ты ее не любишь, – что делать!

– Я прямолинейна, – возразила Ева, пробуя суп и нимало не тронутая выговором Джесси, – но когда я ехала к тебе, я решила быть прямолинейной до наглости. Твоя жизнь...

– Тогда поедим сначала, – сказала Джесси, – мне тоже хочется говорить, но я хочу также есть. А ты?

– Я ем. У тебя всегда очень вкусно. Выпей вина, Джесси. Это хорошее вино; я его знаю, потому что его подают у нас, и год тот же самый; будем, по вину, однолетки.

– И налижемся, как красноносые старушечки, – добавила Джесси, нюхая свой бокал.

Она выпила и стала слушать Еву, которая рассказывала городские новости тоном приятного осуждения. Уже коснулись нескольких чужих флиртов с точки зрения: «все это не то», а также расследовали, кто и что думает о себе; уже раз-

молвка Левастора с Бастером попала в пронзительный свет предположений об их прошлогодних встречах «с теми и теми», — как обед незаметно подошел к концу. Слуги принесли кофе, и, стремясь соединить приятное с полезным, потому что любила Джесси, Ева сказала: «Останемся одни, так как нам более ничего не нужно».

— Мы сами позаботимся о себе, — сказала Джесси прислуге, — Ева, я тебя слушаю.

— Ты все еще не куришь? — спросила Ева, извлекая длинную папиросу из платинового портсигара.

— Нет. Не это же ты готовила мне по секрету от слуг?

— Но у меня, право, нет ничего особенного для тебя. Я, как хочешь, не выношу посторонних, хотя бы и слуг. Ты много теряешь, отказываясь курить.

— Я люблю смотреть, как курят, — сказала Джесси, принимая щекой к сложенным, локтями на стол, рукам. — Я заметила, что ты куришь с отчаянием, — расширив глаза и грудью вперед!

— Благодарю, я согнусь.

— Нет, не надо. Вильсон курит осторожно, кряхтя, почти потеет, и весь вид его такой, что это — тяжелая работа. Интересно курит Фицрой. Он положительно играет ртом: и так, и этак скривит его, а один глаз прищурит. По-моему, лучше всех других курит Гленар: у него очень мягкие манеры, они согласуются с его маленькими сигарами. Ему это идет.

— Тебе нравится Гленар?

– Он мне нравился. Теперь я нахожу, что он на вкус будет вроде лакрицы. Дай мне папиросу, я попробую.

Она крепко сжала мундштук губами и серьезно поднесла спичку, причем ее лицо выражало сомнение. Закурив, Джесси случайно выпустила дым через нос, закрыла глаза, чихнула и поспешно положила папиросу на пепельницу.

– Что-то не так, – сказала она. – Должно быть, это требует мужества.

Ева рассмеялась.

– Тебе надо выйти замуж, – вот что я хотела сказать. Нормально ли твое положение? Моргана значительно старше тебя; кроме того, она ис...

– ... терична, – мрачно закончила Джесси. – Дальше!

– Выходит, что нравственно и физически ты одинока, хотя обеспечена и живешь в своем доме.

– Я размышляла об этом, – сказала Джесси, – но как быть? Я никого не люблю. Любит ли кто меня?..

– Человек пять.

– Положим, всего четыре. Говорят – брак вещь суровая. Ты, например, замужем. Расскажи мне о браке.

– Но... я думаю, ты сама знаешь, – ответила Ева, понимавшая, что в таких вопросах слова обладают свойствами искажать существо явлений, будь то слова самые осторожные и искренние.

– Знаю и не знаю, – продолжала Джесси, задумчиво смотря на Еву, – но, слушай, я не боюсь слов. Например, – что

такое «идеальный брак»?

– Идеальный брак, – сказала Ева, начиная внутренне ныть, – такой брак требует очень многого...

– Давай говорить подробно, – предложила Джесси.

Личный опыт Евы напоминал полудремоту. Слегка краснея, в то время как Джесси оставалась спокойной, Ева продолжала:

– Очень многого... Хотя мой собственный брак подлежит размышлению, и я, конечно, не могу ставить в пример... Очень, очень большая близость во всем, одинаковость вкусов и так далее.

– Но ведь должна быть также любовь?

– Любовь? Конечно.

– Так расскажи о любви, – о замужней любви.

– Едва ли это возможно рассказать, – объявила Ева, которой становилось все труднее идти в тон. – Ты... да... или нет... Например: знание географии и подлинное путешествие. Конечно, есть разница.

– Послушай, – сказала Джесси, – быть любовницей и быть женой – это ведь строго разделено? Или, например: «наложница» и «любовница». Есть ли здесь сходство? Как ты думаешь?

– Мы лучше это оставим, – осторожно предложила Ева, – так как я положительно не в ударе. Должно быть, обильный обед. Просто я не нахожу выражений.

Джесси умолкла только потому, что уважила подчеркну-

тую последнюю фразу и поняла замешательство Евы. Оно ей слегка передалось, в противном случае Джесси охотно продолжала бы рассуждать о таких звучных, красивых словах, как «наложница» или «страсть». Продолжая думать о связи со словом «наложница», она спросила:

– Не переменишь ли ты свою ложу на ту, что рядом с моей? Она освободилась теперь.

– Непременно переменю. Но все-таки, Джесси, мое искреннее желание – видеть тебя хорошо устроенной, замужем.

– Не с кем попало, надеюсь? – заметила Джесси. – Ты дай мне какого-нибудь погибшего человека. Я буду его восстанавливать в его собственных глазах. Вот о чем я мечтаю иногда. Но это глупо. Или хорошо? Отвести от края пропасти и – постепенно, неуклонно...

– Дурочка, где ты это читала? – рассмеялась Ева.

– А не помню где, – откровенно призналась, тоже смеясь, Джесси.

Вдруг она перестала смеяться, крикнув:

– Мори, ты опоздала. Обед мы уже скушали. Иди пить с нами кофе!

Моргиана стояла в дверях, весело рассматривая подруг. Снисходительно-добродушно взглянув на Джесси, она спокойно поздоровалась с Евой, села за стол, взяла салфетку, бесцельно посмотрела на нее и положила на место.

– Стало легче?

– Да, Джесси. Старая мигрень, Ева. От кофе пройдет. У меня масса хлопот по ремонту и моему переезду. Кроме того, в этом году рано наступил зной. Я спасаюсь в «Зеленую флейту», наверное – до осени.

– Джесси, – и ты?

– Я не поеду, Ева. Я остаюсь здесь.

– Вы знаете, как она упряма, – сказала Морганиана Еве после небольшого молчания.

Допив свой кофе, Морганиана возобновила примолкший разговор. Теперь она была спокойна. Притворство ее было легким, как нетрудное дело в руках опытного мастера. Она смеялась, шутила и рассказывала с нотой сочувствия о прекрасной танцовщице Мальком, которая плакала и танцевала одна.

Глава VI

К девяти часам вечера гостей собралось пять человек. Это были: Гленар, тот самый, манера курить которого обсуждалась Евой и Джесси, – медлительный человек двадцати девяти лет, дилетант и блондин; Джиолати, итальянский изгнанник, замешанный в романтическую историю при дворе; сын судовладельца Регард и его жена, смуглая маленькая женщина с большими глазами, уроженка Антильских островов. Пятая была Ева Страттон.

По малочисленности общества, а также из-за духоты, центром служила квадратная угловая терраса. В этот вечер Джиолати, вспоминая родину, пел трогательные романсы, и детская обида светилась в его черных глазах. Джесси, внимая певцу, разгорелась, и от того с еще большей тоской Гленар прислушивался к ее словам, не в силах отвести взгляд от ее фигуры, – стряхнуть очарование, делавшее его смешным, что он знал и от чего сам же приходил в раздражение. Но Джесси уже привыкла к его отчаянно-напряженному виду и, внутренне хмурясь, старалась внешне быть с ним как бы рассеянной. Она тихо беседовала с Аронтой, женой Регарда, а Регард рассказывал Еве о скачках. Моргиана, задумавшись, расположилась в качалке, садистически наблюдая Гленара, который или некстати вмешивался в разговор, продолжая неизменно смотреть на Джесси, или тоскливо курил, расха-

живая по террасе; садился, вставал, снова садился, причем вид у него был такой, что он тут же опять встанет. Он был поглощен решением: томился, терзался и пребывал в страхе, что неудача вынудит его никогда больше не посещать Джесси.

– Не выйти ли походить по саду? – предложил Регард, и Джесси немедленно согласилась, потому что у нее стало ныть в спине от разлитой над террасой любви Гленара. За ней согласились все.

Так как вечер был совершенно черный, Моргиана распорядилась включить свет в электрические фонари, стоявшие на скрещениях аллей. Над деревьями возник полусвет; лучи озарили спящую, смешанную с черным и золотым, зелень. Тотчас, спасаясь от Гленара, Джесси захватила Регарда и Моргиану; Ева пошла с Джиолати, Гленар подошел к Аронте; все разошлись, условившись сойтись у пруда.

Пока гуляющие были еще неподалеку друг от друга, Гленар слышал голос Регарда, а Регард – откровенную зевоту Аронты и скучные слова подавленного Гленара. Но разошлись дальше, и голоса смолкли. Случилось так, что благодаря ускоренным шагам Моргианы, шедшей немного впереди и решительно молчавшей все время, хотя Регард не раз обращался к ней с той мягкой любезностью, какая бессознательно подчеркивает несчастье, – случилось, что они трое оказались у пруда ранее других. Тогда, завидев спящих лебедей, Джесси захотела разбудить черного австралийского ле-

беда. Он, рядом со своей белоснежной подругой, мирно отражался в озаренной воде, спрятав голову под крыло.

Джесси ступила на покатый газон и, подобрав платье, протянула руку; стоя у самой воды, она стала звать лебедя: «Ноэль! Куси-муси, Ноэль, соня!» Но лебедь спал, и, подступив еще ближе, Джесси соскользнула ногой в воду. Ее туфля и чулок сразу промокли; Регард подхватил ее, вывел наверх, а лебеди проснулись и, вытянув шеи, сонно повели крыльями, приподняв их, как бы разминаясь от сна.

Уныло поджав мокрую ногу, Джесси стояла на сухой ноге, держась за плечо Регарда и выслушивая соответствующее замечание Моргианы; затем решительно направилась в дом, чтобы переменить обувь. Она шла быстро, прихрамывая, потому что было ей противно твердо ступать мокрой ногой. При повороте около темной, стоявшей в тени листвы тутовницы она вздрогнула и остановилась: из листвы прозвучал странный, мрачный голос, и, взглядевшись, Джесси различила человека, который ее смешил и раздражал. Гленар стоял за деревом, делая какие-то знаки. Он вздохнул и произнес ее имя.

– Это вы? – сказала Джесси с неудовольствием. – Зачем вы прячетесь? Что там такое?

– Подойдите ко мне, – умолял Гленар. – Прошу вас, подойдите и выслушайте. Я должен сказать вам одну очень важную вещь. Заинтересованная, Джесси пожалала плечами.

– Ничего не понимаю, – ответила она, – но я к вам в кусты

не пойду, потому что промочила ногу и тороплюсь. Вы что-нибудь поймали? Тогда несите сюда.

Место, где стояла она, было слегка освещено, между тем Гленар притаился в тени и не выходил. Такое непонятное упрямство вызвало у нее жуткую мысль, что Гленар покушался на самоубийство. Сердце ее сжалось.

– Вы не ранены? – сурово спросила Джесси.

– Ранен? Да, в смысле особом, да, – ответил Гленар. – Я могу и хочу сказать все. Но я боюсь света. Простите мою внезапную ненормальность. Это так важно, что, лишь смутно различая ваше лицо, я решусь... О, лучше бы я написал вам! Я... Нет, я не могу.

Начиная сердиться, Джесси все же не могла не улыбнуться при догадке, вызывающей чувства виноватости и симпатии, но всегда лестной, – а именно, что Гленар спрятался в листу с целью сделать ей предложение. Пока она размышляла, морщась от сырости чулка, Гленар заявил:

– Я видел, как вы пошли от пруда назад. Первой мыслью моей было – встретить вас, но это не так легко. Я знал, что вы будете проходить здесь.

– А где Аронта?

– Должно быть, я помешался: я ушел от нее.

– Однако же вы чудак, – серьезно сказала Джесси, краснея и сердясь на саму себя. Внезапная мысль, что, может быть, этот самый Гленар знает слова, равные великой музыке, поманила ее узнать все. – Идите сюда, – сказала Джесси, стес-

ненно вздыхая, – выложите ваши секреты. Бояться меня не надо. Я не кусаюсь. Вылезайте, Гленар; вот уж не думала, что вы такой трус.

Едва ли еще какое другое обращение могло бы так обескуражить, как эти естественные слова девушки, торопящейся обсушить ногу. Гленар стиснул зубы и вышел на свет. Он был расстроен и бледен. Пытаясь выразить улыбкой, что улыбается по своему адресу, Гленар увидел темные, блестящие глаза, взглянувшие на него с сочувствием и досадой. Это был заслуженный, безмолвный упрек. Гленар так страдал, что в этот момент чувствовал не любовь, а желание покончить с объяснением, отступить от которого уже не мог.

– Я вас люблю, – сказал он таким тоном, как если бы прислушивался к своим словам, проверяя, то ли сказано, что надо сказать.

Наступило молчание. В переменившемся выражении лица Гленара Джесси уловила черту мести за перенесенную боль, и она снова почувствовала сырость чулка.

– Ну, вот, – сказала она, глядя Гленара по неопределенно протянутой руке, – вы высказались, и вам станет легче теперь. Ничего подобного быть не может. Но, если вы меня действительно любите, будьте добры сходить в дом к горничной и сказать, чтобы она мгновенно представила мне сюда зеленые чулки и серые туфли. А затем вернитесь к Аронте и придумайте благовидный предлог своему отсутствию.

Хотя Гленар попрощался с Джесси трагически, но, как это

ни странно, он отправился исполнить ее просьбу с облегчением и благодарностью. К Аронте он не пошел, а поехал в клуб и пил до утра. Еще страннее, что Джесси верно определила его: с этого вечера его любовь, пережив самый страдный момент, сникла и, понемногу, исчезла.

Глава VII

К двенадцати часам гости разъехались, и сестры разошлись спать. Гленар не вывел Джесси из равновесия, она даже была рада, что больше не увидит его. Ей очень хотелось рассказать Моргиане о «предложении из кустов», но, представив, как рассказывает, представила и отношение Моргианы: «Ты была рада, надеюсь». Поэтому она ничего не сказала сестре. Хотя та подозревала, что между Джесси и Гленаром что-то произошло, однако не пыталась ни намекнуть, ни узнать.

Наутро Джесси проснулась, как всегда, в восемь часов и позвонила Герде, чтобы та несла воду и шоколад. Каждое утро ей подавались в постель чашечка шоколада и бокал холодной воды; если шоколад, случалось, оставался не тронутым, – воду Джесси выпивала охотно и с удовольствием. Вода Лисса, добываемая из подземных ключей, пенилась при сильной струе, до белизны молока; на ее поверхности, уже после того как она отстоялась в бокале, став прозрачной, долгое время скакали мельчайшие брызги, а у края стекла шипели и лопались пузырьки. Джесси проснулась с веселой душой. Как вошла Герда, девушка начала болтать с ней о том, какие видела сны. Говоря, она смотрела на дверь и увидела, что блеск дверной ручки померк; ручка слегка повернулась.

– Я слышала голос и поняла, что ты не спишь, – сказала Моргиана, останавливаясь в дверях. Она взглянула на поднос, затем подошла к изголовью сестры и села против нее, а горничная ушла.

– Кого я вижу!? Сто лет не видались! – воскликнула Джесси. Моргиана никогда не приходила утром в ее спальню, поэтому Джесси добродушно выразила свое удивление и прибавила:

– Мори, выпей воды. Не бойся, нам дадут еще, если я хорошенько попрошу Герду. В ее подвалах лучшие марки этого божественного напитка. Моргиана, не всматривайся в меня так, черт ума нет в моем бесстыдном лице... впрочем, что с тобой?

– Вялость... Джесси, позвони Флетчеру, чтобы нам прислали образцы обоевых материй.

– Сделай милость, обойди кровать твоей сестры и поговори сама.

– Да? Но у меня немного болит горло.

– Встало ли солнце для Флетчера? – неохотно потянулась Джесси, берясь за телефонную трубку.

Она повернулась спиной к сестре, так как телефон был у другой стороны изголовья, на особой подставке. Моргиана смотрела на сбившиеся тяжелые волосы Джесси, на ее статные плечи и чистоту тени под кружевным вырезом. Почти с сожалением рассматривала она сестру. Джесси отвела волосы с уха и приложила к щеке слуховую трубку. В бокале иг-

рала вода, едва приметными брызгами дымясь над стеклянным краем.

Момент возник; действительность стала точной, как путь на высоте по канату. Книжки, ваза с цветами мешали Моргиане отравить воду, не вставая с низкого кресла; и она поднялась, держа руку в кармане вязаной кофты. Там был крошечный пузырек с заранее отмеренной дозой. В это время Джесси назвала номер и, слегка повернув голову к сестре, не видя ее, сказала: «Не позвонить ли мне немного попозже?»

У Моргианы не было сил ответить. Она уже хотела сесть, как Джесси наклонила голову и поправила трубку, чтобы лучше слышать. По-видимому, с ней начали говорить: «Поступай, как будто никого нет, но скоро войдут», – мелькнуло у Моргианы. Она взяла пузырек, вывернула пробку без скрипа и плавно повела руку с ядом к веселящейся пузырьками воде. Из склянки выпали капли, образовав в воде струи цвета стекла; затем все получило обычный вид, лишь над бокалом исчез влажный дымок.

– Обойная контора Флетчера? – сказала Джесси. – Какая досада!

– Мори, – сказала она, внезапно оборачиваясь и, видя, что Моргиана, не успев сесть, стоит со слабой улыбкой, умолкла. – Ты что-то хотела сказать? – снова заговорила Джесси. – Ты уходишь?

Правая рука Моргианы, только что обессиленная злодейством, опустилась в карман. Моргиана села.

– Что сказал Флетчер?

– А видишь ли, станция перепутала, – объяснила Джесси, придвигая воду к себе и держа ладонью над бокалом, чтобы ощутить холодок брызг. – Теперь попьем. Сестрица, отчего ты такая красная? Не досадуй, я позвоню, только попью. Но что с моей водицей?.. Смотри-ка!.. Она умерла!.. Была как шампанское, и вот – грустно молчит.

– Перестояла, Джесси. Хорошо ли пить газистую воду!

– Еще как. Ну, хлопнем. Нет, сперва шоколад. Нет, лучше вода. Джесси подскочила в кровати и, взяв бокал, выпила почти все. Тогда Моргиану охватило резкое оживление; встав, она прошла несколько раз по спальне, рассуждая о рисунке обоев, исследуя, нет ли трещин на потолке, а затем, остановясь вдали, возле окна, начала говорить о том, как будет хорош дом после ремонта, как будет Джесси весело осенью, когда начнутся танцы и вечера. Возбуждение заставляло ее говорить, слушая саму себя.

– Мы получим образцы, Джесси, и тщательно, любовно, вместе с тобой обдумаем цвет и рисунок для каждого помещения. Все они должны быть различны и выдержаны каждое в своем духе. Покойный дядя часто жалел, что ему некогда заняться домом; он, как ты знаешь, увлекался делами и женщинами. Весь прошлый год мы собирались с тобой и ничего не сделали. Теперь только благодаря землетрясению... Я живо помню это утро, а ты? Как ты вскочила на подоконник и закричала! Все долго смеялись потом. «В самом деле, – по-

думала я тогда, – природа так равнодушна; немного сильнее, и город потерпел бы большое бедствие». Но природе прощают. Ты видела Хариту Мальком?

– Видела, – ответила Джесси полным печенья ртом и допила шоколад. – В фойе «Калипсо». Мне показали. Прошла спесивая, жуя славу. Сакраменто! В котором ухе звенит!

– В правом. Ее история с Тренганом наделала шума. А между тем «Зеленая флейта» – прелестное убежище, не для тех, конечно, кто ищет бесчестья и мишуры.

Джесси уже несколько минут слушала ее нервную речь с серьезным лицом, начиная тревожиться, – не означает ли многословие сестры приступа к желчной выходке или – еще хуже – к истерической сцене.

– Так я позвоню опять, – сказала она, подтягивая одеяло и берясь за телефон. – Контора, контора Флетчера. По поручению Моргианы Тренган. Очень рада. Ей требуются образцы новых рисунков. Неужели только вчера получены? Какая трагедия. Сейчас... Моргиана, они предлагают своего мастера!

– Откажи.

– Образцы пришлите, – продолжала Джесси, – но мастер уже нанят. Да, вы угадали. А где вы меня видели? Хорошо, – со смехом прибавила она, отставляя трубку; с ней говорил Флетчер, рискнувший отпустить комплимент. – Следовательно, пришлют. Мори, я тебя прогоню, так как хочу одеться!

– Джесси, еще одно, – сказала Моргиана, подходя к ней, – наши отношения были тяжелы, я знаю. Виновата, конечно, я, мои нервы. Теперь будем с тобой жить легко. Я говорю искренно.

Стыд свел ее губы в подобие фальшивой улыбки, но, стыдясь и презирая себя за подлость в эту минуту, она повторила:

– Совершенно искренно; и хотя мне нелегко в этом признаться, – я изуродована, Джесси. Так на меня и смотри, так объясняй все.

– Ну, отлично. Какая ты смешная, Моргуся! – поспешно сказала Джесси, утомясь словами сестры. Ее лицо выразило потерянность и просьбу не тревожить больше признаниями. – Я вижу, как изнурено твое лицо. Довольно об этом.

Моргиана стояла, опустив голову.

– Теперь все. Я уйду, – сказала она. – Я, может быть, сегодня уеду. Ты будешь рада, надеюсь?

– Мори! – вскричала Джесси, вспыхнув, с внезапными слезами на глазах, полных упрека.

– Это я так... сорвалось. Прости! Следовательно, образцы мы получим.

Моргиана кивнула и вышла; закрыв дверь, она остановилась, прислушиваясь с большим наслаждением, как скрежещет в ней стыд бесцельной, истерической лжи; подло почувствовала она себя. «Вот, я сделала, я отравила ее. Этого не забыть, и я как будто оглушена. Джесси напилась навсегда.

Яд выглянул, и вода умерла».

Глава VIII

Выйдя от Джесси, Моргиана закрыла дверь и отошла, крадучись, шага на три, чтобы прислушаться, не раздадутся ли крики или падение тела, в том случае, если яд подействует быстро. По отношению к яду у нее не было никаких гарантий, кроме слепого доверия и бешеной цены, заплаченной за него. Могли ее обмануть в ту и другую сторону: прислать строфант или чистую воду. От таких мыслей сильнейшие сомнения поразили ее; но мысль о воде перенести ей было труднее, чем немедленную смерть сестры. Сильно волнуясь, она поднялась в спальню и бросилась к окну – рассматривать флакон на свет солнца, как будто зрением могла узнать истину. «Нет, это не вода, – сказала Моргиана, догадываясь о существе жидкости не по ее виду, а тем чувством, какое подчас толкает разрезать свежее с виду яблоко, чтобы затем бросить его. – Не вода, но то самое».

Спрятав флакон в баул, чтобы впоследствии уничтожить его, Моргиана припомнила сцену в спальне. Улики исчезли, но если б возникло подозрение, что Джесси отравлена, этот визит, в связи с тем, что она же омрачила его, мог быть поставлен в улику. В ее пользу были – ее истерия и тяжелый характер, о чем она размышляла с облегчением, как о надежной защите.

Прошло так мало времени с момента, как она вышла от

ничего не подозревавшей сестры, что Джесси – в рубашке, заспанная и теплая – назойливо представлялась ей. «Ты никогда не выйдешь замуж», – сказала Моргиана. Более на эту тему она рассуждать не смогла: беспокойство, что Джесси уже мертва, такое сильное, что равнялось отчаянию, заставило ее метнуться к звонку. Горничная явилась и ответила на ее вопрос о Джесси, что та отправилась принимать ванну. Тогда, сказав, чтобы ей принесли кофе наверх, Моргиана несколько успокоилась. Выпив три чашки кофе, она, по своему расшатанному состоянию, по внезапно набегавшим злым слезам, увидела, что должна уехать сегодня – быть вдаль, как бы умыв руки значительным расстоянием. Немедленно принялась она собираться, вызвала прислугу, распорядилась готовить автомобиль и передать Джесси, что через час уезжает в «Зеленую флейту». «Постепенно первое, самое сильное впечатление отойдет, – рассуждала Моргиана. – Я – больная после кризиса, о котором знаю одна я».

Между тем, узнав, что сестра собралась ехать, Джесси захотела было пойти к ней, но раздумала; лишь велела сообщить себе, когда Моргиана выйдет садиться в автомобиль. «Бог с ней, – размышляла Джесси, – она правда несчастна до содрогания, потому что с такой страстью погрузилась в свое уродство, хотя я к ней привыкла и ничего особенного не нахожу. Особенное лишь то, что мы ни в чем не похожи. Пусть едет, так будет лучше для нее и меня».

Обычно автомобиль подавался к внутреннему подъезду,

на аллею круглого цветника; так подан был и теперь. В это время Джесси получила от Моргианы записку с сообщением об отъезде и с приглашениями. «Она не хочет видеть меня», – сказала Джесси и, рассердясь, решила не провожать Моргиану, но, как всегда, смиростивилась и пошла на подъезд. Стараясь быть веселой и приветливой, Джесси встретила выходящую, в сопровождении слуг с чемоданами, сестру, сказав: «Бежишь? В „Зеленую свою флейту“? Живи там спокойно и к нам заглядывай. Я приеду к тебе».

Она взяла Моргиану под руку и шла так, стараясь шагать нога в ногу.

Пристально взглянув на нее, Моргиана, удивясь сама себе, не смогла удержать улыбку. Хорошенькая, как цветок, девушка сияла ей глазами в глаза, надувая пузырь щеки и подмигивая. Улыбка утоленного зла сощурила глаза Моргианы, как нож, пробивший протянутую шалить детскую руку; по всему ее телу прошла мутная дрожь, и она стала далекой, бесчувственной; даже смогла сказать снисходительным тоном старшей: «Сообщай о себе; не забудь предупредить, если вздумаешь приехать. Будь здорова; прощай!»

Джесси заметила ее усилие говорить естественно и отпустила руку сестры. Чтобы отвлечься, она затеяла постоянную свою игру с шофером Слэкером, предварительно поцеловав Моргиану, которая уже усаживалась:

– Слэкер!

– Есть!

– Мотор?

– Есть!

– Бензин?

– Есть! – отвечал, уже помедлив, Слэкер; он был не совсем в духе, так как проигрался вчера.

– Контакт?

– Есть!

– Контракт?

– Есть!

– Задок?

– Есть и задок, есть и передок, – ответил сумрачно, всех рассмешив, Слэкер; однако на Джесси он сердиться не мог, почему прибавил:

– О карбюраторе забыли спросить.

– Верно, – сказала Джесси, – есть карбюратор?

– Есть!

– Ну вот, Мори, – объявила Джесси, смотря на сестру против солнца из-под руки, – у него все есть! Так что ты ни в чем не будешь нуждаться. Отправляйтесь!

Автомобиль обогнул цветник и выехал за ворота. Сквозь решетку сада Джесси увидела, как Моргиана взглянула на нее из-под шляпы, и взгляд этот не понравился ей. «Ну, как хочет, – подумала Джесси, побледнев от внезапного гнева. – Она знает, что я могла бы сильно любить ее. Я вообще любить могу и хочу. Боже, неужели я рада, что она уехала?»

Став пасмурной, Джесси с достоинством выпрямилась,

повернулась и вошла в дом.

Глава IX

Проводив сестру, Джесси не могла уже выйти из дурного настроения. «Нормальна ли Моргiana? Не следует ли им разъехаться навсегда?» С этой мыслью, никак не решая ее, она стала ходить по дому; хотя приготовления к ремонту ограничили ее прогулку, она вознаградила себя тем, что посмотрела, как ставят леса и примеривают деревянные шаблоны для лепки карнизов. Наконец, усевшись в библиотеке, Джесси утвердила локти между романом и коробкой шоколада, изучая душевные движения по начертаниям автора, тронутого плесенью демонизма. Половину перелистав, половину прочтя, сказала она, зевая: «Чепуха. Вот чепуха!» – и уселась в кресло, охватив колени руками.

«Так я устала от нее», – сказала Джесси, подразумевая сестру. Скучно и тускло было у нее на сердце, и ничего не хотелось. Между тем прекрасный день звал из всех окон к движению. В ответ его шумному блеску Джесси сидела и молчала, как упавший смычок.

Не желая распускаться, она взглянула на часы и ушла завтракать, но ела мало, причем пища казалась ей не такой вкусной, как всегда.

Думая разогнать душевную оскотину ездой, она приказала заложить экипаж и выехала купить кружев. В экипаже Джесси сидела нахохлясь, прикусив губу. Мрачно рассмат-

ривала она толпу, не находя в ней ни забавных, ни живописных черт, ни материала для размышления. Подъезжая к магазину, она нашла покупки ненужными; рассердилась и приказала кучеру повернуть назад, что тот и сделал, выразив спиной изумление. Вскоре она увидела Еву Страттон, вышедшую из книжной лавки, окликнула ее и позвала ехать, причем та вначале отказывалась с шутливым возмущением, но, внимательно посмотрев на девушку и став серьезной, взобралась на сиденье.

– Я должна быть на одном частном докладе, – сказала Ева, – но вид твой мне не нравится. Ты, Джесси, бледна.

– Я чувствую, что мне нехорошо, – отозвалась, жалуясь, Джесси, – но не пойму. Не простужена, выпалась, а, между тем, хочется раздражаться.

Ева взяла ее руку, прохладную и вялую.

– Может быть, болит голова?

– Голова не болит, но ее давит. Слабость... Какая? Ничто не трясет, ни руки, ни ноги. Это даже не слабость, а гадость. Ты поймешь, если вспомнишь чувство от фальшивой ноты. Катценяммер.

– Я провожу тебя, – сказала Ева, подумав, – и если опоздаю на доклад, то буду в глубине души рада, так как обещала быть без особого желания. Я посижу у тебя дома. Бывают эти шутки и со мной от неизвестной причины. Если твои нервы устоятся, поедem к Жемчужному водопаду? Вельгофт устраивает пикник.

Кивнув глазами в знак, что подумает, Джесси сказала:

– Хочу пить. Пить очень хочу. Вот и киоск. Остановитесь против этих бутылок! Мальчик, принеси мне апельсиновой воды! Она с наслаждением осушила стакан и дала знак ехать.

– Когда уезжает твоя сестра?

– Сегодня уехала. Ева, я как-нибудь все расскажу тебе, но не сегодня. Так хорошо поплескивает внутри эта вода. Вот уж и лучше. Ясней видят глаза и спине легче. Ну-с, так что же у водопада?

Несколько оживясь, вступила она в обсуждение развлечений пикника, и, когда подъехали к дому, лицо ее стало опять полно света и свежести. Оставаясь задумчивой, она прилегла на диван, а Ева, наблюдая за ней, просматривала купленные сегодня книги и говорила о них.

– Намочи виски уксусом, – предложила она, заметив, что Джесси тычет пальцем в висок.

Девушка отрицательно качнула головой.

– Дай мне, пожалуйста, зеркало, – сказала она и, взяв от Евы ручное зеркало, внимательно рассмотрела себя. Бледность прошла, но зрачки расширились и запеклись губы.

С досадой отложив зеркало, Джесси стала думать о пикнике. Хотя уже шатнуло ее ветром отравы, живость ее воображения не померкла. Возможно ли не танцевать при свете факелов, на фоне брызг звезд и теней? Все это поманило Джесси; стараясь победить недомогание, она позвонила, скомандовав Эрмине принести вина и лимон. Услышав ее

окрепший голос, Ева спросила:

– Тебе лучше?

– Если я не дам себе распусться, – ответила Джесси, – к вечеру ничего не останется.

Опустив в вино ломтик лимона, она потолкла его ложечкой и, с вождением посмотреть на стакан, стала пить маленькими глотками, приговаривая:

– Если хочешь быть счастливым, то питайся черносливом, и тогда в твоём желудке заведутся незабудки.

– Как? Как? – вскричала Ева, хохоча над рассудительным речитативом девушки.

– Заведутся незабудки, – повторила Джесси, утирая покрасневшие губы.

Самовнушение и вино поддержали ее. Через несколько времени Ева уехала, успокоенная относительно Джесси, так как та оживилась и выглядела теперь хорошо; а Джесси отправилась в туалетную комнату придумывать платье для пикника. Выбросив из шкафов их содержимое, она стала примерять платья и, в разгаре своих занятий, вдруг устала так, что у нее пропало желание бегать по траве. Вялость и печаль охватила ее. Не стерпев обиды, Джесси уронила голову на руки, расплакалась и, топая ногой, старалась усмирить негодование на несчастный день. Успокоясь, она сделалась опять тихой и безразличной ко всему, так же, как было утром.

За час до обеда к ней приехала Елизавета Вессон в со-

провожении двух офицеров – Эльванса и Фергюсона. Елизавета Вессон, девушка двадцати шести лет, была неприятна Джесси за ее спокойное лицемерие и скучающий вид. Мало развеселили Джесси и спутники Вессон: самовлюбленный Эльванс и бессодержательный Фергюсон – словоохотливый человек, не владеющий искусством беседы. Елизавету подослала Ева, чтобы соблазнить Джесси ехать к Жемчужному водопаду.

Сославшись на нездоровье, Джесси решительно отказалась. Радуюсь отказу, Елизавета выразила глубокое сожаление; искренне пожалели о неудаче своего визита Фергюсон и Эльванс, но в присутствии богатой Вессон, поклонниками которой состояли ради ее богатства, высказали свое сожаление сдержанно. Произошел обмен фразами, которыми, как гвоздями, сколачивают искусственное оживление. Оно стало более естественным, когда начались колкости. Очень довольная, что Джесси не будет на пикнике, Елизавета ласково заметила:

– Я страшно жалею, дорогая; вы, правда, бледны, но среди трав и цветов выглядели бы гораздо лучше.

– Почему? – серьезно спросила Джесси. Не отвечая, Елизавета стала кротко смеяться, взглядывая на мужчин, затем вздохнула и сказала, обращаясь к Эльвансу:

– Не правда ли, Джесси с ее милой безыскусственностью напоминает лесную фею?!

– Вот именно, – мрачно кивнула Джесси.

– Царицу лесных фен, – любезно согласился Эльванс, с намерением задеть Елизавету, выходка которой была ему неприятна.

– Мы в царстве фей, – заметил Фергюсон, не догадываясь, что этими словами, после сказанного Эльвансом, отводит Елизавете второстепенное место.

– Кажется, мы кончим экскурсией в мифологию, – вздохнула Елизавета, – для Джесси прямой выигрыш: там все дриады и нимфы.

«О, ты хитрый, белобрысый зигзаг!» – подумала Джесси, а вслух сказала:

– Жаль, Эльзи, что не могу сегодня составить вам выгодный контраст с моей «безыскусственностью».

Враг зашатался, но снова открыл огонь.

– О, Джесси, милая, я вам завидую! Вам посчастливилось найти какой-то средний путь между обществом и само... хотением. Будь у меня меньше знакомых, я тоже предпочла бы сидеть дома и читать что-нибудь... Например, «Одинокую красавицу» Аскорта или... Вообще, читать, мечтать...

Джесси подумала и небрежно сказала:

– Читать хорошо. Я купила интересную книгу «Роковой возраст». Не помню, кто автор.

Удар был нанесен крепко. Двадцатишестилетняя Елизавета Вессон умолкла и, нервно перебрав веер, предложила идти. Тут некстати Фергюсон начал запутанно описывать место, выбранное для пикника, всех утомил и был перебит Эль-

вансом, пожелавшим Джесси скорее поправиться. Прощаясь, девушки поцеловались и обменялись крепким рукопожатием. Наконец все ушли.

«Правда ли, что я бледна? – подумала Джесси, подходя к зеркалу. – Да, бледна; странно. Вероятно, *теперь* бледна, после Елизаветы. Этакая змея! Поехать с ней – несчастье; она под видом излияний начнет говорить гадости обо всех».

Тут позвонил телефон. Ева вызвала Джесси.

– Ну, ты уговорилась с Эльзи? – спросила Ева.

– Елизавета была, – сказала Джесси, – стала меня дразнить, а я ее отчитала. Хитрая, дрянная зацепка. Я им всем сказала, что не поеду. Здоровье? Я здорова; я только расстроена. Да, хотела ехать, а теперь не хочу. Но ты поедешь?

– Я собиралась ради тебя, – ответила, помолчав, Ева. – Я откажусь.

– Что так?

– Должно быть, я домосед. Другое дело, если бы поехала ты.

– Сложно, но непонятно. Ты добряша. Прощай пока; завтра поговорим!

Аппетит Джесси стал капризен, – за обедом она выпила стакан молока и съела пять апельсинов. Весь день в доме звучало эхо ремонта: стучали молотки, падали доски, хлопали двери. Она должна была терпеть этот шум, так как еще не решила, куда ехать летом. Скучный выбор ее упирался в «Зеленую флейту», но там жить она не хотела; поселить-

ся же у знакомых, хотя бы самых интересных и милых, было не в ее характере. Ее звали к себе Регарды; кроме того, звал Тордул, отставной адмирал, имевший пять дочерей, которые все нравились Джесси, но не настолько, чтобы жить с ними под одной крышей. Еще Джесси ожидала письма из Гель-Гью, от школьной приятельницы. Если к той не явятся ее родственники, ожидаемые с покорностью существа, обреченного уступать, Джесси могла поехать в Гель-Гью.

Глава X

Когда жара спала, дышать стало легче. Почувствовав себя сносно, Джесси выехала за гавань, на морской берег, где лесная дорога, поднимаясь по скату, приводила к отвесной стене обрыва. Здесь, над развернувшимся морем, было ветрено и высоко; но еще выше шумели деревья; внизу шарил прибой; его белая полоса восходила и медленно соскальзывала с песка; там, под обрывом, пролежала нижняя дорога. Экипаж остановился у ручья, где кучер стал поить лошадей.

Отойдя к обрыву, Джесси ступила на заросший травой край скалистой стены. Присев, она взяла камень и кинула его. Камень понесся вниз и исчез; вдруг обнаружил себя, стукнув по кучам гальки; можно было различить сверху, как запрыгала галька. Джесси захотелось еще бросать камни. Она оглянулась на кучера, который смотрел в ее сторону, ей стало неловко забавляться при нем, и она ушла за деревья. Здесь ей никто не мешал. Собрав много камней, Джесси стала брать по одному и, замахиваясь по-женски, прямой рукой, кидала через голову в море. Камень шел вниз дугой, исчезал; видны были затем только его скачки по стучающим, как горох, кучам. Джесси кинула изо всей силы камней десять, от чего заныло ее плечо. Вспомнив, как бросают мужчины, она стала подражать их манере, – зацепляя камень меж указательным и большим пальцами, а руку при броске сгибая в

локте; но, при ее неумении, локоть ударял в бок, а камень вылетал с меньшей силой. Тогда стала она бросать по-прежнему, вертя руку в плече. Ей нравилось, что камни делаются как бы частью ее самой, живой частью, достигающей головокружительного низа. Вдруг порыв ветра, поддав сзади в затылок, сбил ее белую шляпу с атласной лентой, полетевшую прямо перед глазами прочь, за обрыв. Инстинктивно хватив рукой воздух, Джесси одно мгновение была вне равновесия, так как потянулась вперед. Она откинулась всем телом назад и свалилась в траву, закрыв от страха глаза. Бездна заглянула в нее. Так она лежала, стиснув руки и зубы, пока не улеглось сердцебиение. Смерть пошутила.

Отдышавшись, Джесси сначала подобрала ноги, чтобы чувствовать их дальше от обрыва, отползла и лишь после того встала. Ветер растрепал волосы; они щекотали ее лицо. Укрепив прическу, Джесси явилась к экипажу без шляпы.

– Какой произошел случай, – сказала она кучеру, – большая птица, должно быть хищная, приняла ленту за чайку, стащила с меня шляпу и была такова!

Она знала, что тот немедленно вызвался бы искать пропажу, если бы узнал истину, но не хотела ни возни, ни препирательств. Кучер быстро осмотрел небо и рассказал случай с ребенком, которого потащил орел и бросил в квашню с тестом.

Джесси вернулась в город; она устала и ослабела. Мрачная, настроенная скептически, Джесси захотела увидеть Еву,

дом которой был ей почти по пути. Джесси вошла в гостиную, где ее встретила Ева, сообщившая, что собралось несколько человек. Вечер вышел удачен; все оживлены, и, вообще, весело.

– Ты еще бледна, – сказала Ева.

– Опять я бледна?! – встревожилась Джесси. – Мне это уже сказали сегодня. Очень бледна?

– Не... очень. Что же с тобой? Покажи язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.